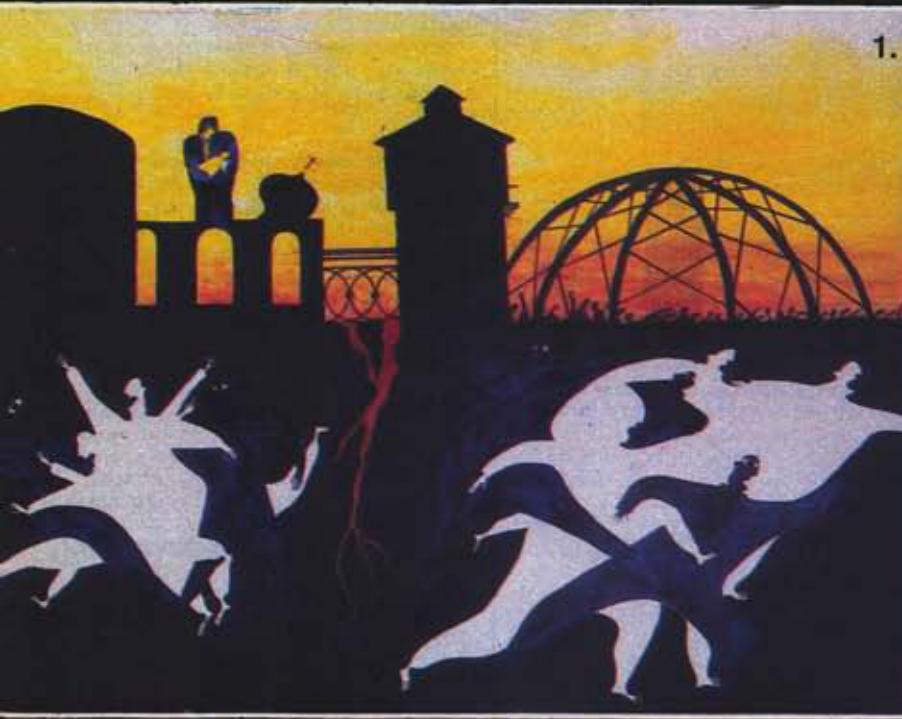

...вразброс на полу лежали. А вообще-то мы о картинах с ним еще и не говорили. Я же сказал — он разложил их вразброс по полу, и мы как-то забыли о них. («Геллер. Дима...» — это он несколько дней назад так представился, когда зашел к нам в редакцию.) Взялся он из Свердловска, в смысле приехал в Москву из Свердловска. Заметно, что он совсем молоденький. Когда сказал, что ему семнадцать, я поверил сразу. А мои приятель из другой редакции — он был в тот момент рядом — сказал мне потом, что «мальчик врет». Но он никогда никому не верит. Ему самому сорок пять, а жене двадцать, вот и...

А картины Геллера мне понравились. Да и не только мне — наш редакционный художник смотрел, тоже сказал, что «интересно», главный

мым. А потом у него было первое, неожиданное наблюдение: Или в Свердловске. Или в Москве. А может, и не было этого наблюдения, но Дима Геллер утверждал, что видел все это, когда шел дождь.

Он проходил мимо. Молодой. Худом. У него на плече болтала сумка. («Понимаешь, я вообще не люблю, когда что-то «наполовину». У Высоцкого помнишь — «Я не люблю, когда наполовину-у!» Уж лучше быть хулиганом, чем наполовину хулиганом».) Так вот он проходил мимо. Равнодушные, но быстрые глаза. Кошачья, скользящая походка. Высоко где-то распахнулось окно, и хриплый, взрывной голос словно прокричал вслед уходящему человеку: «Идет охота на волков! Идет охота!» И сильнее пошел дождь. И тогда даже дождь захрипел этим проби-

В ТОНКОСТИ ДОЖДЯ

Андрей КУЧЕРОВ

смотрел — «Надо, — говорит, — поддержать парня...»

Так откуда же он взялся? Это я уже потом спрашивал себя и начал понимать, что «взялся» он не просто из Свердловска, где родился и где живут мать с отцом и старшим братом. Там, откуда он взялся, был еще и Город. Даже, наверное, Город был вначале, и он услышал Город, как музыку, которая шла импульсами, напоминая хаос красных линий, какие выывают, когда закрываются глаза после яркой вспышки. В его сознание врывались горящие огни уносящихся по трассе автомобилей, нервно плясала бело-голубая реклама, и... кто-то кричал. Кажется, кто-то убегал по мокрому асфальту. Резко ввинчивался в сознание визг тормозов, и бесконечная очередь людей в серых плащах с поднятыми воротниками утекала куда-то за горизонт, где виднелся чайно-громадный портрет с неясными водянистыми глазами. Иногда слышалась скрипка. И еще был циферблат с несущейся секундной стрелкой, которая словно смахивала пыль с чьих-то многочисленных лиц.

Почему он решил стать художником? Потому, думал он, что так больше имеешь, ничего не теряя, а отдавая, ничего не требуешь взамен. Так можно попробовать быть независи-

мющим донутра голосом. А человек уходит, растворяясь в потоках ливня. С сумкой, которая болтается на плече. А он сидел на детской площадке и прислушивался к голосу и Городу, который, кстати, когда идет дождь, звучит совсем по-особому. И еще он вдруг подумал, что Город, когда идет дождь, подобен инструменту, на котором пытаются подобрать мелодию. Может, так бывает только весной?

Так откуда же он взялся, этот молодой художник из Свердловска? А возможно, из фантазий, ушедших в могилу вместе с бабкиным братом, который тоже был художником? Или из однажды возникшего желания разомкнуть круг, о котором группа «Наутилус Помпилиус» из того же Свердловска поет: «Скованные одной целью, связанные одной целью? Или все проще? («Понимаешь, мне иногда бывает страшно, а иногда я злю, как собака, и я не могу это выплыть, а надо... Мне кажется, когда не можешь что-то сказать или сделать, начинаешь рисовать. Или вот я не уверен в чем-то, а хочется проверить, понять — и снова начинаешь рисовать... А вообще мне Пикассо нравится — делал, делал, делал, а уж потом начали разбираться, что он наделал...»)

А картины лежали вразброс у на-

ших ног. С одной из них смотрели вверх глаза человека с ярко-красным лицом и узкими, плотно скатыми губами. Не надо было наклоняться, чтобы прочитать — «Портрет молодого человека». («Мы с братом как-то выставили свои работы в одном ДК. Через неделю пришла какая-то комиссия, сказали, надо убрать несколько картин. Про «Молодого человека...» говорили, что он алкоголик или наркоман, потому что лицо красное и нос красный. А разговоров про выставку было много. Ругались, хвалились — как надо, в общем. Потом выборы начались. В Верховный Совет, кажется. И сказали, что картины надо убрать. Наверное, неудобно было, чтобы перед выборами наши картины висели.»)

Не понимаю. Ну, не понимаю, и все.

в Свердловске. Одна попытка уже была — провальная. Сейчас вторая... («Понимаешь, архитектор может увидеть человека сверху. Одно дело, когда настроение запускаешь в картину, другое — когда в архитектуре: это мощнее. Большое пространство раскрепощает человека. Нет, бывает, что и очень большой дом разъединяет людей. Но это когда в большом доме много маленьких пространств. Понимаешь? Архитектура не только двери, в которую надо войти, или лестница, по которой надо подняться, чтобы не упасть... Архитектура — это ритуал...») Отец у него работает в строительном институте. Архитектурный окончил брат. А может, он и взялся отсюда — из этого неосознанного желания взглянуть на человека сверху? («Не летают только бородатые курицы...») Из того протesta, который был накоплен поколениями предшественников? Из Высоцкого, Тарковского, Шукшина? И — Феллинни...»

(«Когда я начал рисовать, я заметил, что еду, например, в трамвае вече-ром, и мое лицо отражается в стекле. А кажется, что город едет, а лицо остается, понимаешь?») Из желания прокричаться сквозь духовный стриптиз? («Я не знаю, как в Москве, а когда в Свердловске шел «Сталкер», то через двадцать минут ползала ушло...») Из нежелания про-давать свои картины, какие бы деньги за них ни предлагали? («Когда да-ришь сам — спокойно, знаешь, что работа в хороших руках.») Из любви к черному цвету в одежде, потому что он — конкретный? («Я вот так сегодня и никак по-другому!») Из любви к брату, который однажды взглянул на его первые работы и сказал: «Ты можешь». («У нас даже конфликты не как у других бра-тьев — другие. Мы даже одну карти-ну написали вместе.») Из любви к по-лупочкой тишине, когда ты — мир — ты? («Не умею писать днем. Ночью чувствую себя свободной.») Или из той самой взрывной тональности, которая бывает у Города, когда идет сильный дождь, и которая — так мне кажется — звучит в картинах семинарского художника Димы Геллера, когда эти картины лежат вразброс на полу...»)

Так откуда он взялся?